

Лю Яоцин обернулся и, глядя на мрачный вид Лю Цюаньцзиня, почувствовал, что тот сейчас похож на злого духа.

— Тогда... я пойду спать, — сказал Лю Яоцин, видя, что Ли-ши молчит, и повернулся, чтобы уйти.

Он не был святым, который бы из-за чрезмерной заботы о чувствах Лю Цюаньцзиня пытался угадать, что с ним происходит. Наоборот, Лю Цюаньцзинь каждый день вел себя так, что привлекал внимание окружающих, заставляя их гадать, что у него на уме, что было крайне неприятно.

В эти времена никто не сидел без дела, все работали в поле, чтобы добыть себе пропитание, лишь бы не умереть с голоду. А вот Лю Цюаньцзинь требовал, чтобы другие тратили на него свои силы. Лю Яоцин подумал, что когда-нибудь, если появится время, нужно будет его как следует проучить.

Вернувшись, он поспал, но до рассвета уже встал.

В соседней комнате тихо открылась дверь, и Ли-ши, накинув верхнюю одежду, с распущенными волосами, сунула Лю Яоцину что-то в руки и вернулась обратно.

Рассмотреть в темноте было сложно, но, ощупав предмет, Лю Яоцин понял, что это снова серебряное украшение, более изящное и тяжелее предыдущего, явно больше одного лян серебра.

Он обернулся, глядя на закрытую дверь, и в его душе смешались чувства. Он был рад, что здесь у него есть мать, которая о нем заботится, но и печалился из-за того, что у нее есть такие родственники, как отец.

Он пошел к двери второго дома и постучал. Юй-гэр, сонный, вышел. Лю Яоцин заметил, что Шэнь-ши уже встала, одетая, но не вышла, а лишь подтолкнула Юй-гэра и закрыла дверь.

Взяв Юй-гэра за руку, они вышли из двора. На этот раз Лю Яоцин не испытывал страха. Пройдя по переулку, они вскоре увидели на перекрестке воловью повозку и высокого мужчину.

Добравшись до городка, они сначала зашли в аптеку. На этот раз они привезли пять глиняных кувшинов. Лю Яоцин указал на самый маленький и сказал:

— Это подарок для вас, а остальные четыре кувшина прошу вас помочь продать.

Смысл был в том, что вино из диких ягод в этом кувшине станет подарком для старого врача, а деньги за остальные они не будут делить.

— Хорошо, хорошо, — старый врач был добродушен, прищурился, осмотрел четыре кувшина, подумал и сказал. — Цин-гэр, за сколько ты хочешь продать вино в этих кувшинах?

— Минимум один лян серебра за кувшин, — легко ответил Лю Яоцин.

Старый врач покачал головой:

— Эти дикие ягоды не такая уж редкость, вряд ли получится продать за такую цену. Даже если кто-то согласится, не факт, что захочет.

— Учитель, это не просто дикие ягоды и не просто водка, а вино из диких ягод, — Лю Яоцин

улыбнулся и подробно объяснил старому врачу. Закончив, он увидел, что старик молчит, и продолжил:

— Те, кто может позволить себе заплатить такие деньги, явно не бедствуют. Это не обман, пусть они заплатят мне, а я смогу сделать что-то еще.

Он мог сделать вино из диких ягод, значит, мог создать и что-то новое.

Неизвестно, как старый врач понял это, но он кивнул.

Лю Яоцин ушел из аптеки, а старый врач позвал своего внука и велел ему сходить по одному делу...

Лю Цюаньюн преподавал в городке, но обычно Лю Цюаньфу ездил туда, остальные члены семьи бывали редко, кроме Лю Цюаньцзиня. В городке было всего две частные школы: одна принадлежала старому цзюйжэню, а другая — сюцаю.

Сначала они пошли в школу, основанную сюцаем. Там шли занятия, и из-за стены доносились голоса детей, читающих уроки. Лю Яоцин спрыгнул с повозки:

— Я пойду поговорить с тем стариком.

— Я тоже пойду, — Юй-гэр тут же последовал за ним, держась позади.

Повозка притормозила у обочины, Чжэцзы издали наблюдал, как Лю Яоцин подошел к старику и начал с ним разговаривать. Юй-гэр стоял сзади, и вскоре его глаза наполнились слезами, которые капали на пыльную землю, превращаясь в маленькие мокрые пятна.

Увидев, что Лю Яоцин тоже помрачнел, Чжэцзы бросил повозку и подошел ближе, услышав, как Лю Яоцин говорит:

— Мы его родственники, приехали сюда. Спасибо, дедушка...

Уйдя оттуда, Юй-гэр все еще плакал, весь в слезах.

Лю Яоцин не обращал на это внимания, мрачно сел в повозку и сказал:

— Чжэцзы-гэ, уедем отсюда.

Чжэцзы понял, что что-то произошло, и, развернув повозку, медленно уехал.

Они остановились у ларька с вонтонами. Лю Яоцин заказал три порции, а затем купил пять вегетарианских булочек с хлебом в соседнем магазине. Вокруг никого не было, хозяин ларька стоял далеко, и Лю Яоцин заговорил:

— Тот старик сказал, что второй дядя до сих пор не женат, в городке ему часто подбирают невест, предлагали и девушек, и парней, но говорят, что его интересует не городок, а, возможно, уездный город.

— А что будет с мамой и мной? — всхлипывал Юй-гэр, откусывая горячую булочку, но, кажется, даже не чувствуя вкуса.

— Что случилось? — Чжэцзы переложил несколько вонтонов из своей миски Лю Яоцину.

Лю Яоцин отдал булочки Чжэцзы, он не любил их, предпочитая вонтоны с горячим бульоном.

— Что еще может быть? Второй дядя хочет устроить свою жизнь, — Лю Яоцин посмотрел на Юй-гэра и добавил. — В конце концов, он настоящий сюцай, и возраст еще не старый.

Думая о том, что Лю Цюаньюнь в городке говорил, что не женат, Лю Яоцин не мог не иронизировать.

Обычно из деревни в городок ездили, в деревне жили Шэнь-ши и Юй-гэр, но эта информация скрывалась так долго. Лю Яоцин тоже бывал в городке, но только теперь, тщательно расспросив, он узнал, что Лю Цюаньюнь здесь был в таком статусе.

Что именно происходило, Лю Яоцин считал, что жители деревни, Лю Цюаньфу и старик Лю, были в этом замешаны.

Видя, что Юй-гэр плачет все сильнее, Лю Яоцин сказал:

— Вытри слезы. Юй-гэр, скажи, ты считаешь его своим отцом? Если он твой отец, что он тебе дал, что дал твоей матери?

— Ничего не дал ни мне, ни маме, но он же мой отец, а иначе у меня не будет отца, — Юй-гэр положил недоеденную булочку и, закрыв глаза рукой, зарыдал.

— Тогда подумай, даже если отца нет, разве жизнь в доме чем-то отличается от обычной? — Лю Яоцин утешил его. — Я же говорил тебе, когда случается что-то, не надо плакать, сначала подумай, как решить проблему.

Но, хотя Юй-гэр понимал это, он все равно сильно переживал и долго плакал.

Его глаза покраснели и опухли. Закончив остывшие вонтоны и полбулочки, Юй-гэр выглядел немного лучше. Лю Яоцин взял его за руку и посадил в повозку:

— Когда вернемся, ничего не говори, я все объясню. Это сложное дело, нельзя поднимать шум, понял?

Как и говорил Лю Яоцин, ведь это все-таки сюцай, Юй-гэр кивнул, сдерживая слезы.

Вернувшись домой с мрачным лицом, уже стемнело. Лю Яоцин отдал лишние булочки Син-гэ, две оставил для Ли-ши, а остальные отдал Чжэцзы, чтобы тот отнес Третьему дядю Цинь и двум щенкам.

Оставив Юй-гэра и Син-гэ в комнате, Лю Яоцин один пошел в главную комнату.

Лю Цюаньфу не было, младшая Ли-ши тоже исчезла, только старик Лю и Ли-ши. Лю Яоцин подошел и спросил:

— Отец, что происходит с вторым дядей?

— Что происходит? — старик Лю сделал вид, что не понимает.

До того, как Лю Яоцин начал ездить в городок и уезд, только Лю Цюаньфу каждый месяц ездил в городок за деньгами, которые зарабатывал Лю Цюаньюнь. В деревне редко кто бывал в городке, еды и питья хватало, только по праздникам могли купить ткани, а в остальное время иногда приезжал разносчик с нитками и иголками.

— Я ходил ко второму дяде, в городке все говорят, что он не женат, ему часто предлагают невест, — Лю Яоцин говорил, наблюдая за выражением лица старика Лю, и, увидев, как оно изменилось, понял, что тот в курсе дела.

Глядя на старика Лю, Лю Яоцин почувствовал раздражение. Он думал, что старик Лю, даже если и был пристрастен, не мог быть настолько глупым, чтобы скрывать женитьбу Лю Цюаньюня, и это вызывало у него отвращение.

Достав трубку с табаком, старик Лю начал набивать её, медленно затянулся и сказал:

— Это долгая история, лучше тебе не знать.

<http://bllate.org/book/16688/1531754>